

— Марк, мне бы хотелось вот о чём спросить вас. Смотрите, после начала войны два года назад армяне столкнулись с абсолютно необычным явлением, с массовым бегством россиян в Армению. Это очень необычно, поскольку всегда было наоборот. Есть ли какие-то аналогии в истории?

— Сколько угодно аналогий, много. Давайте я начну отвечать как ереванец. Вот только на моей памяти были три волны беженцев сюда за исключением русских, россиян. Я не знаю, будем политически корректны. Была первая волна беженцев, когда только начался карабахский конфликт, были беженцы из Баку. Вторая волна была, когда война уже шла Первая война и Азербайджан некоторое время побеждал в этой первой войне. Третья волна беженцев была после 44-дневной войны. Кроме того, это уже не на моей памяти, были огромные волны беженцев после геноцида. Была волна беженцев сюда во время Великой отечественной войны, когда фашисты брали, так сказать, одну территорию за другой и людям нужно было куда-то деваться. Ереван, в общем-то, привык к беженцам, Ереван привык к тому что беженцы — это несчастные нищие люди, которых выдрали из их домов, которые пережили ужасную трагедию. В этом смысле беженцы-россияне, конечно же, отличаются, потому что это главным образом люди не бедные. Да, они не требовали внимания, они не требовали сочувствия, они не требовали помощи. Наоборот, они привезли сюда деньги и, что я считаю очень важным, они привезли сюда свои мозги. Для беженцев свойственна так или иначе интеграция в местную жизнь. Россияне интегрируются с большим трудом.

— А, скажем, молокане?

— Молокане не были беженцами, молокане были переселенцами, то, что сейчас называют словом «релоканты». Молокан переселили сюда. Там было две цели, знаете. Одна цель была избавить центральную Россию от религиозного диссидентства. Вторая цель была в том, чтобы укрепить славянский элемент на кавказских границах России, где России приходилось сталкиваться с очень сильным чеченским сопротивлением, нехристианским, скажем так, сопротивлением. И нужно было увеличить христианские элемент.

— А все-таки, скажите, они пришли сюда по своей воле или нет?

— Молокане? Конечно, по своей. Потому что здесь они могли свободно исповедовать свою религию, это было для них очень важно, и для молокан и для духоборов. Духоборов сейчас забывают, потому что они уже все практически вернулись в Россию. Но это было течение духовного христианства, и для них было невероятно важна та свобода вероисповедания, которую они получили на Кавказе.

— Они же поехали в Западную Армению, да?

— Они ехали на Кавказ, тогда не было ни Армении ни Грузии, были разные губернии. Они оказались частично в Карской губернии, да. и частично

— Эта история, она же связана с Толстым? Если можно, расскажите про это.

— Интересная история. Значит, в 1894 году духоборы разделились на два лагеря. Один лагерь — это были настоящие пацифисты, против войны. Другие не были пацифистами. Пацифисты в какой-то момент собрались все на окраине деревни Гореловка, сложили всё оружие, какое у них было, охотничьи винтовки, какие-то старинные сабли, всё, что было, и устроили огромный костёр. Об этом костре донесли, и из Гюмри поскакали казаки, чтобы вот эту ересь уничтожить. Казаки добрались до Гореловки ночью и пытались кнутами и нагайками разогнать духоборов. Они крепко сцепились в одну такую плотную цепь и продолжали петь свои духовные песни. Но потом, конечно, их разогнали, несколько сотен человек угнали в Сибирь, и Лев Толстой был невероятно потрясён этой историей. Он написал большую статью в газету «Таймс».

Вопреки общепризнанному мнению, Толстой лучше знал английский, лучше французского. И эта статья нашла большой отклик. Потом Толстой организовал фонд, благотворительный фонд, в который перечислил все гонорары, полученные за «Анну Каренину» и «Воскресенье», за два великих своих романа. И организовал переброску духоборов с Кавказа сначала на Кипр, потом в Канаду. Там, в Канаде, сейчас живёт довольно приличная духоборская община.

— Как вам кажется, они в чём-то похожи на вот эту последнюю волну, нашу?

— Нынешняя волна — это представители среднего класса. В целом, это очень образованные люди, городские, не деревенские. Это очень семейно ориентированные люди, и это люди, которые не собираются делать Армению своей родиной в большинстве своем. Да, кто-то, конечно, собирается, и это я приветствую. Это очень хорошо для обеих сторон. Духоборы и молокане, они приехали сюда для того, чтобы здесь была их родина, и она здесь и есть. Молокане точно такие же граждане Армении, как и любой армянин. Молокане служат в армии. Молокане воевали в Карабахе. Да, это настоящие граждане.

— Насколько много их?

— Их немного. Ну, были данные о том, что их осталось около 5.000 А было больше двадцати. В девяностые годы, когда Советский Союз распался, многие стали уезжать, они поехали обратно. Для многих это было не обратно, для многих это была новая земля. Прошло почти 200 лет с момента их переселения. Они ехали в Россию, но не только в Россию. Уезжали в Австралию, уезжали в Уругвай, в Америку. В Лос-Анджелесе, который известен своим армянским кварталом Глендейл, живёт немало молокан, которые поддерживают связи с молоканами в Армении.

— Скажите, молокане армянский язык знают?

— Молокане, живущие в деревне Фиолетово, очень мало. У них нет мотивации для изучения армянского. Они живут в своей деревне, там очень крепкая, спаянная община. Они общаются внутри общины, внутри общины им армянский язык не нужен. Те, кто не живут в молоканских деревнях, а живут, скажем, в Ереване, в Абовяне, в Раздане, конечно, владеют армянским языком, тут совершенно другой уровень общения, другая жизнь, другие экономические отношения. Потому что молокане занимают абсолютно ясные ниши в экономике, в повседневной жизни Армении, и чтобы эти ниши успешно занимать, им нужно знать армянский.

— Это уборка, строительство, что ещё?

— Это ещё очень важная часть нашей жизни, это квашеная капуста. Я не шучу, говоря, что это важная часть нашей жизни, потому что молоканская квашеная капуста, безусловно, ценится очень высоко. И это хорошо. Кстати говоря, когда Советский Союз распался, многие молокане, выезжая отсюда, увозили с собой это ноу-хау, как выращивать капусту и квасить её. На рынке в Пятигорске продавали квашеную капусту, и местные жители изгоняли молокан, потому что у них капуста была лучше, это были конкуренты, которые работали лучше них, я общался и с теми, и с другими на рынке.

— У них есть какие-то политические взгляды?

— Конечно, у них есть политические взгляды на жизнь в Армении, потому что они армянские граждане. Они голосуют в Армении и голосуют, как правило, конечно, за правительство. Потому что правительственные люди лучше с ними работают и жёстче с ними работают, чем оппозиция. Но это не имеет никакого значения. Да это люди, которые имеют политические взгляды, которые являются полноценными, полноправными гражданами Армении и так себя ощущают.

— Они же представлены в парламенте?

— Да, Алексей Сандыков, очень активный молодой человек, очень, так сказать, деятельный, и я приветствую его деятельность.

— Скажите, можно ли из этого исторического опыта, из опыта молокан, что-то извлечь для последней волны эмиграции? Что-то полезное, какой-то рецепт, какую-то стратегию правильную?

— Давайте я так отвечу на ваш вопрос. Молокане — это главным образом и в первую очередь, конечно, жители деревни. Это блестящие хозяева, потрясающие хозяева. Знаете, один из фиолетовских молокан мне сказал фразу: «Я знаю, почему каждое дерево растёт в этих горах». Почему оно растёт, он знает! Это великое понимание не просто природы, это понимание конкретно этой земли. Они пришли, они стали возделывать землю, они стали трудиться на благо — на благо себе и на благо тем людям, с которыми они общаются. Это великая вещь — умение трудиться на благо, умение работать для того, чтобы было лучше. Это то, что нужно делать.

— Смотрите, русские писатели и всякого рода свободолюбивые люди всегда, мне кажется, воспринимали Армению в качестве шелтера. Как вам кажется, почему?

— Вот как обстояло дело. После смерти Сталина в пятидесятых годах в Армении вдруг возникли три учёных мирового класса, мирового уровня. Их было четверо, но почему я говорю три, вы сейчас поймёте. Это был Виктор Амбарцумян, астрофизик и математик, абсолютно мирового уровня учёный. Это был Сергей Мергелян, математик. И братья Алиханяны, ядерные физики. Один из них считается отцом советской атомной бомбы, под его началом работал сам Ландау. Это были учёные мирового уровня. Они должны создавать школу вокруг себя, группы ученых, единомышленников, решающих смежные задачи, помогающих в решении каких-то более глобальных вопросов. Амбарцумян стал воспитывать местные кадры, он был человек терпеливый, они у него писали дипломные диссертации, сами руководили уже курсовыми и дипломными, писали докторские и так далее. Так развивалась группа Амбарцумян. Мергилян и Алиханяны стали набирать к себе диссидентов, молодых талантливых учёных, которым в Москве, Ленинграде и Киеве не было ходу из-за политических взглядов, из-за молодежной резкости, неважно, из-за чего. И вот сюда приехали молодые талантливые математики и физики. Они здесь вместе с Мергиляном стали создавать Институт математических машин, вычислительный центр Академии Наук. Вместе с Алиханяном стали работать над проблемами ядерной физики, излучений. Плюс сразу после Великой Отечественной войны сюда прибыла волна репатриантов-армян из-за границы, которые тоже привезли с собой воздух свободы, независимости. Их здесь очень быстро превратили в бедных нищих людей, но они своим упорством тоже стали известными художниками, архитекторами, музыкантами, учёными.

— Это вы мне сейчас рассказываете о том, почему Армения стала символом свободы?

— Да, и всё это родило воздух свободы. А ещё джаз с джазом очень интересная история. Ну, во-первых, основатель армянского джаза тоже имеет непосредственное отношение к моей семье. Ну, вот смотрите, к концу Великой Отечественной войны и сразу после войны нужно было создавать имидж места, которое привлекательно для армян. И стали писать вот эти вот песни популярные, красивые, лёгкие, с запоминающейся мелодией. «Эй, джан, Ереван...» и все в таком духе. О том, как хорошо здесь жить, какое здесь голубое небо, какая здесь чистая вода, какая здесь потрясающая зелень, какие здесь красивые девушки и как вообще всё замечательно в этой Советской Армении.

— Экспортный вариант.

— Конечно. И он блестяще сработал. Тем более что его делали молодые

талантливые энергичные ребята-музыканты, которые здесь видели, чувствовали ту самую свободу для джаза, которой не было в столицах.

— А если все-таки вернуться к теме российских диссидентов. Что с ними происходило здесь?

— Здесь бывали самые разные российские диссиденты. Те, кто приезжал работать, работали. Я считаю, что ситуация Юрия Орлова, она очень показательна. Орлов здесь построил ускоритель элементарных частиц. Благодаря этому и, конечно же, благодаря Алиханянам, наш институт физики имел прямые взаимоотношения, минуя столицу СССР, со швейцарцами. Наши физики ездили в Швейцарию, жили там по полгода, по году, работали, приобретали международную известность, возвращались сюда и привозили с собой этот самый западный неуловимый воздух свободы. Потом Орлов защитил здесь докторскую диссертацию, стал членом-корреспондентом Академии Наук Армении, решил, что ему здесь больше неинтересно, вернулся в Москву, где его арестовали. В конце концов он оказался достаточно сильным человеком для того, чтобы бороться с последствиями этого ареста и так далее. Но как учёный он закончился в Армении. Были диссиденты, которые приезжали сюда погостить, их всегда принимали в лучших армянских домах, к ним всегда относились по-дружески. Ну, просто потому что понимали их. Сейчас в семье Сарьяна не очень любят об этом вспоминать, потому что Сарьян был окружён знаменитостями мирового уровня. Но к нему приезжали диссиденты. Приезжал Шнитке и общение было на самом высоком художественно-творческом уровне смотрите.

— Можно ли считать Армению на протяжении 70 лет или, скажем так, во второй половине Советской власти чем-то вроде убежища для свободных творческих людей из России.

— Знаете, я не хочу сказать, что Армения была такой всесоюзной шарашкой. Но в смысле убежища, безусловно. И не просто убежище, отсюда просто били струями творческая энергия, новые модернистские подходы. Галереи Армении выставляли художников Серебряного века, можно было приехать сюда и увидеть их. Этот обмен очень трудно свести к бытовому уровню. Это был обмен идеями, обмен мыслями, обмен возможностью выхода в большой мир. Мы друг другу давали это, и, я думаю, что мы до сих пор это друг другу даём.

— Как вам кажется, из этого можно извлечь какие-то уроки для нас?

— Главный урок: не нужно обособляться. Нужно, наоборот, вливаться. Это создаст ситуацию, когда выигрывают все.